

I. ЛЮБОВЬ

1 Георги Мирчев Маринов закрывает лицо правой рукой, а левой стряхивает пепел с сигареты на землю, которая в селе Дряновец имеет насыщенный коричневый цвет, переходящий местами в красный. Мы сидим перед серым оштукатуренным домом. Маринову слегка за семьдесят, но его еще не пригнуло к земле, хотя в Дряновце, деревушке на севере Болгарии, населенной в основном цыганами, редко какой мужчина доживает до этих лет.

Впрочем, с женщинами дело обстоит не лучше. На калитке дома Маринова висит свежий некролог с фотографией женщины чуть младше его самого. Это жена. Она умерла в прошлом году.

Если войти в калитку, миновать телегу, мула и груду разного хлама, попадаешь на утоптанную глиняную площадку. Посередине торчит вбитый в землю кол. Возле него почти двадцать зим провела медведица Веля.

— Я любил ее как родную дочь, — говорит Мирчев, и воспоминания на мгновение переносят его в те утренние часы на черноморском побережье, когда он и Веля, поддерживая друг дружку, смотрели на море, а затем перекусывали хлебом и отправлялись работать, шагая по начинавшему раскаляться асфальту. Эти воспоминания согревают его сердце, словно лучи того самого солнца, и он забывает о сигарете, пока ого-

нек не подбирается к кончикам пальцев. Тогда он бросает окурок на коричнево-красную землю и возвращается в село Дряновец, в серый оштукатуренный дом с некрологом на калитке.

— Бог свидетель, я любил ее, как человека, — говорит он и качает головой. — Я любил ее, как члена семьи. Хлеба у нее всегда было вдоволь. Лучший алкоголь. Клубника. Шоколад. Батончики. Да кабы я мог, я б ее на спине носил. Так что если ты говоришь, что я ее бил, что ей со мной плохо было, то ты лжешь.

2 Веля появилась в доме Мирчевых в начале безрадостных девяностых, когда рухнул коммунизм, а вслед за ним колхозы, а точнее ТКЗС — *трудово-кооперативно земеделско стопанство*.

— Я был трактористом в ТКЗС в Дряновце, ездил на тракторе “Беларусь” и очень любил свою работу, — говорит Мирчев. — Будь моя воля, всю жизнь бы в колхозе работал. Люди хорошие. Работа порой тяжелая, зато на свежем воздухе. Нам всего хватало.

Но в 1991 году ТКЗС начало увольнять людей. Директор вызвал Мирчева и сказал, что при капитализме тракторист должен не только на тракторе ездить, но и с коровами помогать, и с посевом, и с жатвой. Георги и так не раз выручал других работников колхоза и проблемы в этом не видел. А директор ответил, что все понимает, но двенадцать трактористов (столько их в ту пору было в ТКЗС в Дряновце), пусть даже таких многостаночников, как Георги, при капитализме прокормить не сможет. Максимум трех. И Мирчева сократили.

— Мне выплатили зарплату за три месяца вперед, и до свидания, — вспоминает он. А потом добавляет: — Как от меня выйдешь, пройдешь немного вправо и поднимешься на горку, там увидишь, что от нашего колхоза осталось. Это был крепкий колхоз, триста коров, несколько сотен гектаров, отличное руководство! Трудились в колхозе в основном цыгане,

потому что болгары такой работой брезговали. Теперь все развалилось, цыгане, вместо того чтобы работать, сидят без дела. А молоко в магазине в Разграде продают немецкое. Немцам, видать, крупные фермерские хозяйства выгодны, а болгарам — нет.

В 1991 году Мирчеву пришлось задать себе главный вопрос, который задает себе каждый, кого уволили с работы: “Что еще я умею делать?”

— В моем случае ответ был прост, — говорит он. — Я умел обучать медведей танцам.

Медведчиками были его отец и дед, а брат Стефан водил медведей с тех пор, как окончил школу.

— Из близких родственников только я пошел в колхоз, — рассказывает Мирчев. — Хотел попробовать другой жизни, потому что жизнь с медведями я уже знал. Многие медведчики, как и я, устроились в колхоз. Но вырос-то я с *мечками*. Я знал все песенки, все трюки, все истории. Двух медведей отца я своими руками выкормил из бутылочки с соской. Когда у меня родился сын, они вместе росли. Бывало, что я все путал, и малой пил из бутылочки медведя, а медведь из его. Так что когда меня уволили из колхоза, я знал одно: если я хочу жить дальше, то должен как можно скорее найти медведя. Без медведя я не протяну и года.

Как я его нашел? Обожди, сейчас еще одну закурю и все тебе расскажу.

За медведем я поехал в заповедник Кормисож. Это известные охотничьи угодья. Говорят, Брежнев списал нашим коммунистам долгов на миллиард левов, только чтобы они брали его туда поохотиться. Так мне рассказывал один мужик, который в Кормисоже сорок лет проработал, но правда ли это — не знаю.

Сначала пришлось мне поехать в Софию, в министерство, отвечающее за леса, поскольку там служил мой школьный товарищ. Благодаря ему я получил талон на медведя,

действительный в Кормисоже, и прямиком из Софии отправился в заповедник. Там обо мне были наслышаны, потому что мой брат Стефан уже приезжал к ним с другими медведчиками, а он в те годы был настоящей звездой. Выступал в очень дорогом ресторане на Черном море, где бывали даже члены руководства компартии. Брата несколько раз по телевизору показывали. По всей Болгарии его узнавали.

Стефану медведь достался из зоопарка в Софии. Однажды пьяный солдат ворвался в медвежий вольер, а у самки как раз детеныши были, она бросилась на солдата и убила его на месте. Медведицу пришлось усыпить: так всегда поступают в зоопарках, если животное убьет человека. Стефан откуда-то об этом прослышал, поехал туда и купил одного из медвежат.

В ресторане первыми выступали танцовщицы на углях, а затем он. Сначала Стефан боролся с медведем, а в конце медведь массировал спину директору ресторана.

Потом к брату выстраивалась длинная очередь из желающих, чтобы медведь их тоже помассировал. Стефан зарабатывал немалые деньги. Приходилось, конечно, делиться с директором, но хватало обоим.

Так вот, отправился я в Кормисож, лесник передал брату привет, а потом привели малышку. Ей было несколько месяцев. Идеальный возраст: детеныши еще не слишком привязаны к матери, еще можно поменять им наставника, и они не станут капризничать. Если забрать от матери медвежонка постарше, он может заморить себя голодом.

Малышка смотрит на меня. Я смотрю на нее. Думаю: “Подойдет или не подойдет?” Присел на корточки. Протянул руку. Зову:

— Ну, иди сюда, маленькая, иди.

Она не шелохнется. Только смотрит на меня, а глаза как два уголька.

Ты бы в эти глаза влюбился, точно тебе говорю.

Я достал из кармана хлеб, положил в клетку и жду, войдет или не войдет. Она опять на меня уставилась. Минуту со-

мневалась, но вошла. Я подумал: “Вот теперь ты моя. И в горе, и в радости”. Уж я-то знал, что медведь с человеком и тридцать лет прожить может. А это, считай, половина жизни!

Я выложил за нее три с половиной тысячи левов, но не пожалел ни об одной стотинке. Она мне сразу запала в сердце.

Эти деньги мне колхоз при увольнении выплатил, еще немного пришлось одолжить. В те годы примерно за четыре тысячи можно было купить “москвич”.

Но на “москвич” денег мне уже не хватило. Часть пути я ехал с малышкой на автобусе, и мне уже тогда было приятно, потому что все дети интересовались моим медведем и хотели его погладить. Я решил, что это хороший знак: значит, мне и правда замечательное животное попало, дружелюбное, вызывающее симпатию. И уже тогда я подумал: “Звать тебя будут Валентина. Ты красивая медведица, а это красивое имя, для тебя в самый раз”.

Так ее и назвали. Валентина, сокращенно Веля.

Потом нам пришлось пересесть с автобуса на поезд, и Веля ехала в багажном отделении. Кондуктор за нее билета не требовал, попросил только разрешения ее погладить. Ясное дело, я разрешил. Правда, за билет все равно заплатил. Так уж я привык: раз положено, значит, надо заплатить, и все тут. Я всегда покупал Веле билет как взрослому человеку, без всяких там скидок за погладить. Только однажды кондуктор уперся. Сказал, что кто-то из его близких родственников попал в больницу, а медведь, мол, добрый знак, счастливый для того человека. Я видел, что ему это важно, и в тот единственный раз за билет платить не стал.

4 Главной моей заботой была жена. Ведь в Кормисож я поехал втайне от нее. И когда я появился в дверях с медведем, жена как с цепи сорвалась.

— Да у тебя мозгов нет! Как мы жить-то будем?! — орала она и бросалась на меня с кулаками. Я уступил, вышел.

С женой я всегда старался жить в мире и, честно скажу, нервничал, что она так кричит, но в общем-то я мог ее понять. Жизнь у медведчика не из легких. Ну да, можно заработать. Видишь этот дом? Спасибо за него нашей Валентине. В хороший день на море я зарабатывал больше, чем за месяц в колхозе.

Но за все приходится платить. Нужно постоянно следить, чтобы медведь не одичал и не причинил никому вреда: Веля прожила с нами двадцать лет, но ни на секунду нельзя было терять бдительности. Невозможно угадать, когда в твоём медведе проснется инстинкт. У одного знакомого из соседнего села, Ивана Митева, медведица прожила пятнадцать лет. Он купил ее в цирке, казалось, уж с ней-то можно жить спокойно: ее мать и бабка свободы не знали, инстинкты должны были притупиться. Но однажды Иван плохо ее привязал, медведица сорвалась, убила трех кур и съела. Как ей это удалось — не знаю. У нашей Вели куры под носом шатались, но ей такое и в голову не приходило. Но случилось, что случилось. В медведице проснулся инстинкт, и она начала бросаться на хозяина, на его жену, на детей. Пыталась их покусать. А вот это уже серьезная проблема. К сожалению, медведю чувство благодарности неведомо, он не будет вспоминать, что ты пятнадцать лет кормил его кукурузой и картошкой. Одичает — начнет кусаться.

К тому же люди к медведчикам относятся не лучшим образом. Нас не уважают. Мне это долго не давало покоя, и я никогда не выступал с Велей ни здесь, в Дряновце, ни в соседних деревнях. Только добравшись до Шумена — а это шестьдесят километров отсюда — доставал *гадулку* и приступал к работе.

Короче, когда я привез домой медвежонка, моя жена прекрасно поняла, чем все это кончится. Женщины очень умные, и, увидев это маленькое лохматое существо, она уже видела и смеющихся людей, и ночи под проливным дождем, и хождение от дома к дому в надежде на пару стотинок.

Но и я знал свою жену, светлая ей память. И знал, что нужно только переждать этот ее приступ злости, и она полюбит медведя, как родного ребенка.

И я не ошибся. В первую же зиму жена сама потопрапливала меня соорудить Веле навес, чтобы та не мерзла. А в дождь бежала с зонтиком к дереву, под которым сидела прикованная Веля, чтобы ее мишка не промок. Да будь ее воля, она бы ее дома держала, как в городе — собак.

5 Когда я привез сюда медвежонка, пристал ко мне один майор милиции. А может, была уже полиция? Не помню, все менялось так быстро, что за переменами было не уследить. Он пронюхал, что у меня медвежонок, явился и говорит: “Гражданин Мирчев, мне стало известно, что у вас есть медведь. Даю вам семь дней на то, чтобы от него избавиться”.

Я пытаюсь спорить, мол, товарищ майор, да как же так, ведь я его законно приобрел. Вот у меня справка о покупке из парка Кормисож. И вообще, раз меня из-за этой вашей трансформации работы лишили, дайте хоть чем-то другим заняться!

Но майор и слышать ничего не желал: “Семь дней. И я, гражданин Мирчев, не хочу повторять дважды”.

Странно он себя вел, ведь в ту пору в нашей деревне шесть других медведей было, в том числе у моего брата Стефана. Почему тот майор именно ко мне прицепился? Не знаю. Может, достали его эти медведи? А может, он взятку хотел? Только не дождался. Я все сделал по закону, так что давать ему на лапу повода не было. Я поехал в Шумен, в представительство министерства культуры, и попросил их за мой счет позвонить в Софию, чтобы там подтвердили: все необходимые документы у меня есть. В секрете медведя держать было нельзя. Его должен был осмотреть ветеринар, а министерство культуры должно было подтвердить, что моя программа обладает высокой художественной ценностью. Министерство признало, что у меня есть все бумаги, в Разграде

мне выдали дополнительный свисток, и майору милиции пришлось от меня отстать.

И он отстал. Сказал только, что будет за мной следить, я его еще пару раз видел, а потом он пропал.

Оставалось дело за дрессировкой.

Есть две школы.

Есть *мечкадары*, которые работают жестко. Бьют медведя, тягают за морду, пинают.

Я таким никогда не был. Во-первых, это не по мне — я по натуре человек мягкий. Во-вторых, отец мне всегда повторял: Бог все видит. Медведя тебе он дал, и если ты с ним плохо обращаешься, то, считай, Бога обижаешь. Я в это верю, потому что со многими медведчиками так бывало. Раньше или позже Бог за все воздаст.

Битый медведь только и ждет, чтобы отомстить. Знал я одного типа, который бил своего мишку пожарной лопатой. Медведь при виде лопаты держался подальше. Но как-то раз хозяин подошел к нему без лопаты, так медведь его покусал, и довольно серьезно.

Еще одно подтверждение — это Иван Митев, тот самый, чей медведь кур задавил. Он совершил самую большую глупость на свете. Запаниковал. Попросил о помощи охотника. Медведя выпустили в сторону леса, охотник выстрелил в него и убил на месте. А через несколько месяцев Иван и сам умер. Сердце. Говорю тебе, Бог видит, как ты обращаешься со своим медведем, и рано или поздно все тебе припомнит.

Я бы никогда медведя не ударил. А Велю? Боже, как подумаю об этом, так у меня слезы по лицу текут. Да я бы скорее себя мучил, чем ее.

Как я ее в таком случае дрессировал? Ну, как-как, отвез ее подальше за село, взял *гадулку*, конфет немножко, начал играть. И по-всякому ее уговаривал встать на задние лапы. Вставала — получала конфетку.

Она быстро все поняла. И только потом, когда уже пришла весна, я начал ее учить вещам посложнее. Говорил,

к примеру: “Покажи нам, Веля, как невеста целует руку свекру”. И она всем целовала руку: когда мы с ней уже по стране ездили, нам за это хорошо подавали.

Была у нас знаменитая гимнастка Мария Гилова. Она была очень популярна, даже когда карьеру завершила. И вот вставал я иногда с Велей где-нибудь в центре города и говорил: “Покажи нам, Веля, как Гилова медали получала”. И Веля подпрыгивала, красиво складывала лапы, а в конце делала поклон. Люди смеялись, хлопали, фотографировали, а мы денежки зарабатывали.

Был еще такой Янко Русев, тяжелоатлет из Шумена, олимпийский чемпион и пятикратный чемпион мира. Я говорил: “Покажи нам, дорогая, как Русев штангу поднимает”. И она приседала, делала вид, будто лапами за штангу хватается, и тяжело сопела.

А когда наш знаменитый футболист Христо Стоичков начал играть за “Барселону”, я говорил: “Веля, покажи, как Стоичков симулирует фол”. И Веля ложилась на землю, хватала себя за ногу и начинала страшно скулить.

Некоторые медведчики любили про политику номера показывать. Что-то про Живкова, что-то про его людей, что-то про новое правительство. Когда Живкова от власти отстранили, все только про него и шутили.

Я этого никогда не любил. Во-первых, с властью шутки плохи, уж кто-кто, а я-то помнил о своем майоре, который только и ждал повода до меня добраться. Сколько новая власть продержится, никто не мог сказать, а майор казался вечным.

Во-вторых, я всю свою жизнь был и остаюсь убежденным коммунистом. До войны цыган был никем. После войны мы получили права, работу, жилье, люди читать и писать научились, болгары нас хоть немного уважать стали, и всем этим мы обязаны исключительно коммунистам.

Болгарам тоже при коммунизме жилось лучше. На святого Георгия у нас по традиции режут барашка. В деревне

почти у каждого были на это деньги. Теперь на всю деревню всего несколько барашков режут. А в колхозе, в котором раньше десятки людей трудились, сегодня работают всего трое. Да и платят им через раз. Когда я слышу, что коммунизм — преступный режим, нехорошо на душе делается, потому что люди помнят все совсем по-другому.

По мне, так коммунизм — прекрасное время. Даже жаль, что у меня тогда медведя не было. Люди были веселее, счастливее. А сейчас? Тоска. Все выкручиваются как могут.

Гляди, вон там парнишка стоит возле дома, это мой внучок Иван. Самый способный из всех. Только что сдал выпускные экзамены, оценки хорошие, прям хочется, чтобы он дальше пошел.

Будь у деда медведь, дед сел бы в машину или автобус и, пока живой, сделал бы кружок от Варны до Бургаса да и заработал бы ему на учебу. И кто знает, может, через несколько лет был бы у нас в семье инженер. Случалось среди медведчиков и такое.

Но у меня нет медведя. Обидно, парень сдал экзамены, но вместо института будет работу искать.

Так что я над коммунистами никогда не смеялся. А вот один мой приятель пошутил как-то над царем Симеоном¹, который был у нас премьером и, придя к власти, пообещал, что за сто дней улучшит жизнь всем болгарам. Так вот этот мой приятель говорил своему медведю: “А ну-ка покажи нам, дорогой, как царь Симеон болгарам жизнь улучшил”. А медведь ложился на землю, закрывал морду лапами и страшно рычал.

Замечательный был номер и хорошо показывал, как изменилась жизнь в Болгарии после коммунизма.

1 Симеон II (Симеон Борисов Саксен-Кобург-Готский, 1937) — болгарский политик, последний царь Болгарии в 1943–1946 годах из Саксен-Кобург-Готской династии, премьер-министр Болгарии с 24 июля 2001 года по 17 августа 2005 года.